

Типизация и стереотипизация как сущностные черты человека повседневности

В настоящее время исследователи отмечают, что в современном обществе повседневность уже не может регулироваться ранее сложившимися традиционными и стабильными образцами интерпретации реальности, стереотипами поведения и структурами отношений. Но всё же одной из сущностных черт человека повседневности остается типизация. В статье проанализированы процессы типизации и стереотипизации, формирующие поведенческие матрицы и схемы понимания в повседневности.

Ключевые слова: повседневность; человек повседневности; тип; идеальный тип; типологизация; типизация; стереотипизация; стереотип.

Традиционно считается, что одним из ведущих смыслов понятия «повседневность» является понимание повседневности как стандартизированного и нормированного среза эмпирической жизни, как мира правил, циклов и стереотипов [1, с. 11–12] Современные исследования показывают нам, что представления о человеке повседневности изменились. Помимо типизации как способа организации повседневного бытия человека, среди особенных черт, характеризующих человека повседневности, выделяют такие черты, как спонтанность, хитрость, уклончивость и т. п. Но типизация все же остается сущностной характеристикой человека повседневности. Поэтому в процессе исследования нам необходимо рассмотреть такие понятия, как тип, типологизация, типизация.

С точки зрения типологического подхода категория «тип» обозначает такую совокупность признаков, которая образует внутреннее ядро взаимозависимостей и в этом своем виде становится всегда конкретной «единицей» типологического знания.

Типологизация представляет собой логико-методологическую процедуру поиска и обнаружения того минимума существенных признаков, без которых исследуемое сложное явление не способно ни существовать, ни множиться.

Особой формой осмысления и реализации типологического подхода является типологический метод, который характеризуется тремя исключительно важными чертами: генерализующим принципом, алгоритмичностью, направленностью. Генерализующий принцип выделяется своей способностью концентрировать знание вокруг некоторой главной идеи.

Типологический метод имеет алгоритмический характер, который формируется благодаря предметному синтезу последовательностей, характерных для каждого из трех наиболее значимых для типологии уровней организации – генетического, структурного и когнитивного. В зависимости от сферы приложения типологического метода этот алгоритм может варьироваться, усложняться или, наоборот, упрощаться, но сохраняется, как минимум, в своей общей направленности. Эта направленность, будучи осознана в проективном плане, приобретает конструктивный характер или, говоря иначе, становится типизацией. Типизация является, с одной стороны, концептуальным завершением типологического подхода, а с другой – началом практической реконструкции реального мира.

---

* Елена Анатольевна Калистратова, доцент кафедры истории и экономической теории, Уральский государственный лесотехнический университет (УГЛТУ) (г. Екатеринбург).

E-mail: kalistratovae@mail.ru

Концептуальный смысл типизации аксиологичен: он всегда связан с поиском значимости любых человеческих действий и отношений, с осознанием судьбоносных последствий всякого рода социальных изменений, с оценкой и переоценкой всего уходящего из человеческой жизни или возникающего в ней, со стремлением понять свои ближайшие, повседневные перспективы (пользу) или, напротив, ценностные ориентиры отдаленного будущего. Именно эти аксиологические ориентиры (благо, значимость, польза, ценность, оценка и смысл) окончательно оформляют любые образы «типического». И только в той мере и степени, в какой поняты эти ориентиры, складываются разные формы типизации, изменяющие саму реальность. Наиболее сложный и ответственный характер имеют схемы типизации в «социальном конструировании реальности»: они непосредственно влияют на всю сферу жизни индивидов, на их самочувствие и судьбу [2].

Итак, важным в понимании типизации является то, что, с одной стороны, – это итог, результат процесса типологизации, а с другой – это точка, которая становится началом для практических изменений реального мира.

Н. Н. Козлова в своей работе «Социально-историческая антропология» определяет тип как «объект, выделяемый и рассматриваемый в качестве представителя множества объектов. Тип – своего рода шаблон, который можно использовать неоднократно. Тип представляет наиболее вероятное, “образцовое” для данной системы связей явление» [3, с. 42].

Категория идеального типа была предложена М. Вебером в качестве познавательной модели в социально-историческом исследовании. По мнению М. Вебера, идеальный тип являлся теоретической конструкцией. Идеальный тип не извлекается из эмпирической реальности, а конструируется как теоретическая схема: «Тот, кто придерживается мнения, что знание исторической действительности должно или может быть “непредвзятым” отражением “объективных” фактов, не увидит в идеальных типах никакого смысла. <...> В самом деле, априорно вообще никогда нельзя установить, идет ли речь о чистой игре мыслей или о научно плодотворном образовании понятий; здесь также существует лишь один критерий: в какой мере это будет способствовать познанию конкретных явлений культуры в их взаимосвязи, в их причинной обусловленности и значении. Тем самым в образовании абстрактных идеальных типов следует видеть не цель, а средство. <...> Попытка дать генетическую дефиницию понятийного содержания приводит к тому, что сохраняется только форма идеального типа в указанном выше смысле. Это – мысленный образ, не являющийся ни исторической, ни, тем более, “подлинной” реальностью. Еще менее он пригоден для того, чтобы служить схемой, в которую явление действительности может быть введено в качестве частного случая. По своему значению это чисто идеальное пограничное понятие, с которым действительность сопоставляется, сравнивается, для того чтобы сделать отчетливыми определенные значимые компоненты ее эмпирического содержания. Подобные понятия являют собой конструкции; в них мы строим, используя категорию объективной возможности, связи, которая наша ориентированная на действительность, научно дисциплинированная фантазия рассматривает в своем суждении как адекватные». Одним из наиболее распространенных заблуждений Вебер считает «реалистическое» (в средневековом значении данного термина) истолкование идеальных типов, т. е. отождествление этих умственных конструкций с самой историко-культурной реальностью, их «субстанциализацию». Однако тут у Вебера возникают затруднения, связанные с вопросом: «Как же все-таки конструируется идеальный тип?» И вот одно из его разъяснений: «Содержательно эта конструкция (идеальный тип) имеет характер некой утопии, возникшей при мыслительном усилении, выделении определенных элементов действительности». Выходит, эта идеальная конструкция в определенном смысле извлечена из самой эмпирической

реальности [4, с. 9–10]. Следовательно, опираясь на анализ реальности, тип может быть сконструирован через исследование существующих практик – телесных и ментальных, через образ и стиль жизни.

А. Шюц отмечал, что поведение и мышление человека, существующего в пространстве повседневности, характеризуют следующие черты: во-первых, повседневное – это все то, что воспринимается как устойчивое, стабильное, постоянное, привычное, нормальное; во-вторых, повседневная жизнь организована типологически. Восприятие личностей, идей, событий в рамках повседневности – это восприятие с точки зрения их типической определенности.

О повседневном мышлении А. Шюц пишет как о системе конструируемых типов: «Попытаемся показать, как бодрствующий взрослый человек воспринимает intersубъективный мир повседневной жизни, на которую и в которой он действует как человек среди других людей. Этот мир существовал до нашего рождения, переживался и интерпретировался нашими предшественниками как мир организованный. Перед нами он предстает в нашем собственном переживании и интерпретации. Но любая интерпретация мира основана на предыдущем знакомстве с ним – нашем лично или передаваемом нам родителями или учителями. Этот опыт в форме “наличного знания” (knowledge at hand) выступает как схема, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания. Такой опыт включает в себя представление о том, что мир, в котором мы живем, – это мир объектов с более или менее определенными качествами. Среди этих объектов мы движемся, испытываем их сопротивление и можем на них воздействовать. Но ни один из них не воспринимается нами как изолированный, поскольку изначально связан с предшествующим опытом. Это и есть запас наличного знания, которое до поры до времени воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Несомненно, предшествующее знание с самого начала дано нам как типичное» [5].

По мнению А. Шюца, для того чтобы люди понимали друг друга, а также разбирались в ситуациях и обстоятельствах взаимодействия в повседневной жизни, они должны соблюдать ряд условностей. Главная из них заключается в том, что человек руководствуется предположением, согласно которому его партнеры по взаимодействию видят и понимают мир, в сущности, так же, как он сам. Шюц именовал это бессознательно используемое в повседневной жизни допущение «общим тезисом о взаимозаменяемости перспектив». Этот общий тезис состоит из двух постулатов: 1) постулата о взаимозаменяемости точек зрения: «Я принимаю на веру – и предполагаю, что другой поступает так же, – что если я поменяюсь с ним местами так, что его “здесь” станет моим, то я буду находиться в том же удалении от предметов и видеть их в той же степени типичности, как и он сам, более того, для меня будут достижимы те же вещи, что и для него (и наоборот); 2) постулата о совпадении “систем релевантностей”: «Пока не доказано противоположное, я принимаю на веру (и предполагаю, что другой поступает так же), что различия в перспективах, обусловленные уникальностью его и моей биографических ситуаций, безразличны по отношению к наличным целям любого из нас... и мы оба отбираем и интерпретируем актуально и потенциально общие объекты и их свойства одинаковым образом или по крайней мере “эмпирически идентичным” образом, т. е. достаточно одинаковым для достижения любой практической цели» [5].

В чем суть этого общего тезиса? Этот тезис можно сформулировать так: в повседневной жизни мы ведем себя так, будто от перемены наших мест характеристики мира не изменятся. При этом мы отлично сознаем факт индивидуальных различий в восприятии мира, следующий из уникальности биографического опыта, особенностей воспитания и образования, специфики социального статуса и других характеристик каждого из нас. Мы осознаем, что смотрим в разные сторо-

ны в буквальном и в переносном смысле, т. е. фактически стоим лицом друг к другу, а наши жизненные планы могут кардинально противоречить один другому, но, тем не менее, наше взаимодействие, например заключение торговой сделки, удаётся без труда. Значит, мы автоматически, нисколько не задумываясь, с самого начала приняли допущение, согласно которому эти различия не имеют значения для решения задач, стоящих перед нами в данном повседневном взаимодействии. Именно поэтому взаимодействие проходит гладко и бесконфликтно. Именно по этой причине проходят ровно, без осложнений, мириады повседневных взаимодействий [6, с. 119].

Наша повседневная жизнь состоит из встреч с типами, а не с живыми людьми, потому что у живых людей есть проблемы, боли, обиды и т. д., а в большинстве повседневных взаимодействий все это нас не интересует. Возможность такой незаинтересованности, а следовательно, и беспроblemности взаимодействий обеспечивает два шюцевских постулата. Оба этих постулата представляют собой средство типизации явлений и объектов, принадлежащих к общей для взаимодействующих индивидов среде. Поскольку эти постулаты действительны, постольку объекты взаимодействия лишаются уникальных черт, свойственных им в непосредственном опыте того или иного индивида, и приобретают черты универсальности и безразличности, черты социальности. Эти объекты теперь принимаются на веру каждым из участников взаимодействия и входят в определение ситуации не как субъективные значения его собственного переживания, а как нормативное значение, субстантивированное в фактической жизнедеятельности группы, общности, членом которой является индивид. Применение тезиса о взаимозаменяемости перспектив способствует восполнению приблизительности повседневного знания, делая возможной коммуникацию и взаимопонимание вне ситуаций непосредственного взаимодействия [6, с. 120].

Истолкование и конструирование жизненного мира опирается на накопленный личный опыт и усвоение опыта других людей. Благодаря этому происходит типизация феноменов и упорядочивание нового опыта. Опыт возникает благодаря вниманию, которое человек уделяет ситуации. Сталкиваясь с похожей ситуацией, человек активизирует память и пытается решить проблему, исходя из накопленных обобщений. Это и есть образование смысловых связей. Если обобщение получает дальнейшее применение, оно становится типизацией. Типизация – это не абстрактное обобщение. Она прагматически ориентирована и состоит в том, чтобы выявить актуальное значение положения дел, исходя из множества их значений и оценок.

Продолжая феноменологическое исследование повседневности, П. Бергер и Т. Лукман писали: «Социальная структура – это вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия. В качестве таковой социальная структура является существенным элементом реальности повседневной жизни» [7, с. 59].

Главной чертой повседневного взаимодействия, выделенной П. Бергером и Т. Лукманом, выступает ситуация «лицом-к-лицу»: в ситуации лицом-к-лицу я постигаю другого посредством схем типизации, хотя они и более подвержены непосредственному вмешательству с его стороны, чем «отдаленные» формы взаимодействия. Иначе говоря, хотя довольно сложно применять жесткие образцы к взаимодействию лицом-к-лицу, но даже оно с самого начала упорядочено, если происходит в рамках привычного порядка повседневной жизни. Реальность повседневной жизни содержит схемы типизации, на языке которых возможно понимание других и общение с ними в ситуациях лицом-к-лицу. <...> Наше взаимодействие лицом-к-лицу будет упорядочено этими типизациями, пока они не станут проблематичными. <...> Конечно, здесь моя схема типизации должна видоизме-

ниться. Однако до тех пор, пока не брошен вызов и нет свидетельств об обратном, типизации будут сохраняться и будут определять мои действия в данной ситуации» [7, с. 55–56].

Типизация является не только познавательной, но и практической операцией. Мы «доверяем» нашей повседневности, считаем ее нормальной во многом потому, что она типизирована, систематизирована, упорядочена, стандартизирована и понятна:

«– Да ну, – Юля беззаботно махнула рукой. – Ничего сложного. Просто ты мыслишь стандартно, а стандартный ход мысли угадывать нетрудно...

– Значит, я стандартный? – обиженно спросил Мусатов.

– Да не обижайся ты, это же хорошо. Во всяком случае, ничего плохого в этом нет. Кто сказал, что быть стандартным плохо? Я, например, абсолютно стандартная, среднестатистическая, поэтому мне легко представить ход твоих мыслей. Он у нас с тобой одинаковый» [8, с. 122–123].

Повседневность также конституирована порядком, который возник до нашего появления на сцене жизненного театра. Мы сталкиваемся с уже существующими способами и средствами типизации. Усваивая эти способы и средства типизации, мы применяем их в ситуациях социального взаимодействия и тем самым изменяем социальную и культурную реальность, но также изменяем и себя. Социальный мир не является готовой структурой, которая совершенно не зависит от человеческой деятельности. Социальный мир создается, конструируется человеком, но многие шаблоны для конструирования созданы до нас: «...человек рождается в этот мир как в мир типических определенностей и уже на ранних стадиях развития, усваивая язык, научается воспринимать явления, предметы, существа в мире как типы, а не как сочетания уникальных и неповторимых качеств» [6, с. 126].

Поэтому следует отметить, что главной формой отражения типичных схем опыта является язык. В языке объективировано большинство типизаций человеческого опыта. Выразительными примерами таких типизаций могут служить пословицы, поговорки, идиомы.

Привычки, как результат повторения типизаций для решения проблем, образуют естественную установку. Но этот само собой разумеющийся опыт иногда может давать сбои. В этом случае естественная установка подвергается модификации. Но это бывает редко. Как правило, человек интерпретирует мир так, каким он его знает. Подобные интерпретации являются не просто теоретическими. Они всегда имеют характер инструкций: если положение дел таково, то поступай так-то. Благодаря своей применимости, интерпретации становятся рецептами действий, «прописными истинами», клише, стереотипами.

А. Шюц подчеркивал, что повседневное знание имеет «социальное происхождение» и «социально распределено», но не исключал также и индивидуальных познавательных различий. Он ввел понятие когнитивного стиля, содержание которого заключается в объединении «конечных областей значений» в различных сферах индивидуального опыта. При этом А. Шюц рассматривает когнитивные стили не как сугубо персональные, а как типичные когнитивные стратегии для типичных областей опыта и познания. «Психологическая убежденность субъекта в существовании миров опыта, постулированная У. Джеймсом как единственный критерий реальности этих миров, в теории Шюца находит отклик в более масштабном понятии *erosche* повседневности, т. е. воздержании от всякого сомнения в существовании объектов мира. Феномен *erosche* можно в этом случае понимать как своего рода “аксиоматическую подкладку” – основу “метода” обыденного мировоззрения» [9, с. 22–23].

Такой «подкладкой» может выступать, например, стереотип.

Современник А. Шюца Уолтер Липман трактовал стереотипные формы как «выжимку» из свода моральных норм, социальной философии, политической агитации. Липман отмечал, что в повседневной жизни люди поступают шаблонно, в соответствии со сложившимся стереотипом: «...что бы мы ни считали истинной картиной вещей, мы относимся к этому образу так, как если бы то была сама окружающая нас среда». Это замещение естественно, «ведь реальная среда чересчур объемна, сложна и текуча для непосредственного с ней знакомства. Мы не приспособлены к такой тонкости, разнообразию, стольким изменениям и комбинациям. И хотя нам приходится действовать в этой среде, мы должны сначала воссоздать ее на простой модели, прежде чем сможем ориентироваться в ней». Такую модель Липман называет «псевдо-средой». Мы же не замечаем посредства этой модели, и «любое нападение на стереотипы», входящие в ее состав, – это потрясение «основ нашего мира» [9, с. 23; 10, с. 345].

Повседневная типизация напрямую связана со стереотипизацией, которая возникает из повторяемости, цикличности, неизменности и порождает шаблоны, трафареты, стереотипы.

Стереотип есть «сокращенное», упрощенное и ценностно окрашенное представление о действительности, функционирующее в общественном сознании. Стереотип возникает в сознании члена любой социальной группы как результат многократно повторяемой связи определенных символов с определенной категорией явлений. Он возникает на основе восприятия, не связанного с прямым опытом, поскольку нам говорят об окружающем мире до того, как мы его увидим и оценим.

Многие стереотипы возникают стихийно и спонтанно из-за неизбежной потребности экономии внимания в процессе усвоения опыта других людей и предшествующих поколений, опыта, закрепленного в виде привычных представлений. Явление стереотипизации – характерная особенность переработки человеком внешнего воздействия. Она тесно связана со стремлением человека «рассортировать» полученную им информацию, «разложить ее по полочкам» в сознании.

Естественно, что для подобной сортировки необходимы определенные критерии. На уровне обыденного сознания подобными критериями стали наиболее характерные, броские, «лежащие» на поверхности черты объекта, явления и т. п. Сознание человека неизменно стремится упрощать эти критерии с тем, чтобы расширить рамки категорий, в которые можно было бы вместить как можно больше явлений. Человеку вообще свойственно искать общее в разном, «суммировать» познание, обобщать.

Односторонность в отборе черт для определенного стереотипа обуславливается интересами конкретных общностей. Для каждой из них социальный стереотип представляет собой обобщение ее опыта в отношении социально значимых объектов, процессов, явлений, типов людей и т. д.

Стереотипы способствуют закреплению традиций и привычек. В этом плане они выступают как средство защиты повседневного мира человека и как средство его самоутверждения. Иначе говоря, стереотипы – это крепость, стоящая на страже собственных традиций, и под ее прикрытием мы можем чувствовать себя безопасно в том положении, которое мы занимаем.

Стереотипы воздействуют на формирование нового опыта: они наполняют свежее видение старыми образами и накладываются на тот мир, который мы воскрешаем в своей памяти. Стереотипы – преимущественно неточные образы реальности: они могут быть основаны на «ошибке», на привычке принимать предвзятость за истину.

Стереотип однозначен, он делит мир лишь на две категории: «знакомое» и «незнакомое». «Знакомое» становится синонимом «хорошего», а незнакомое –

синонимом «плохого». Стереотипы выделяют объекты таким образом, что слегка знакомое видится как очень знакомое, а мало знакомое воспринимается как остро враждебное. Следовательно, стереотип несет в себе оценочный элемент. Для человека, усвоившего стереотипы своей группы, они выполняют функцию упрощения и сокращения процесса восприятия другого человека. Стереотипы представляют собой инструмент «грубой настройки», позволяющий человеку «экономить» психологические ресурсы. Они имеют свою «разрешенную» сферу социального применения. Например, стереотипы активно используются при оценке групповой, национальной или профессиональной принадлежности человека.

Стереотипность повседневной жизни – «это условие коммуникации, важнейший момент взаимопонимания. Жизнь понятна потому, что она стереотипна. Единообразие форм делает сложный процесс многомерного общения прозрачным, ясным. Поведенческие матрицы и схемы понимания облегчают социокультурное взаимодействие, прокладывают четко очерченные пути в подвижном тумане людских контактов» [1, с. 34].

Повседневность выступает как сфера согласованных действий и такого поведения, где все взаимосвязаны друг с другом и интерпретируют мир вместе. А для этого человеческие позиции должны быть принципиально соизмеримы. (Постулат о взаимозаменяемости перспектив, выдвинутый Шюцем: «Я всегда могу стать на точку зрения другого человека и посмотреть на действительность с его позиций, из его перспективы. Более того, различия в наших биографиях не будут играть существенной роли, если наша цель едина».) Таким образом, повседневность не только связывает людей и стереотипизирует их мир, но и утверждает их онтологическое равенство. Представители разных культур и социальных слоев – «люди дна» и «люди элиты», верующие и атеисты – способны понять друг друга и прагматически действовать вместе. И пусть это понимание не будет нести в себе интимности и душевности, но оно обеспечивает воспроизводство реальных отношений, самой жизни, оно дает возможность опираться на других для получения благ и саморазвития [Там же, с. 15].

В конце концов, чтобы достигнуть своих целей и удовлетворить свои потребности, человеку необходимо знать, как ему следует поступать. Обыденная стереотипизация отвечает на это «как?»: житейские истины – это осажденный опыт, результат многократно повторенных экспериментов, которые были поставлены жизнью.

Итак, человек воспринимает от общества «готовые значения», стереотипы, верования, усваивает схемы восприятия и интерпретации событий в социальном мире, т. е. «коллективные», социальные представления, стандарты, нормы. В немалой степени общество формирует для человека и его потребности.

По мнению Е. В. Золотухиной-Аболиной, стереотипность характерна для повседневности в «генетическом аспекте – как культурно наследуемые способы поведения». Стереотипность – это неустранимая черта повседневности, потому что «стереотипность повседневной жизни – это условие коммуникации, важнейший момент взаимопонимания. Жизнь понятна, потому что она стереотипна. Единообразие форм делает сложный процесс многомерного общения прозрачным, ясным. Поведенческие матрицы и схемы понимания облегчают социокультурное взаимодействие...» [Там же, с. 34].

Согласно исследованиям различных авторов, стереотипы отличаются следующими качествами: 1) они не привязаны жестко к критерию истинности и устойчивы к противоречащему им опыту; 2) они не отрефлексированы; 3) иррациональны и могут быть основой иррациональных действий; 4) включают в себя ценностный аспект; 5) формируются в коммуникативных процессах, традиционны и являются элементом социализации.

Тем не менее следует отметить, что понятность, повторяемость, типичность, стереотипность не являются тотальными качествами повседневности.

В повседневной жизни, наполненной стереотипами, привычными формами, ритуалами и общезначимыми представлениями, как ни странно, огромное место занимают ситуации неопределенности, необычности: необычное возникает из того, что все встречающееся нам в опыте не вписывается в наш привычный мир.

Непонятное для человека повседневности может возникать даже в самом частом и регулярном контакте: не только в контакте с другими людьми, но даже в контакте с самим собой. Стереотипы, которыми мы обмениваемся в общении с другими и в диалоге с самими собой, – лишь поверхность реального процесса. На самом деле человек очень часто непонятен сам себе именно потому, что его внутренний мир не вписывается ни в какие стереотипы. «И У. Джеймс, и экзистенциалисты, и гуманистические психологи отмечали тот факт, что, несмотря на все внешние установления, индивид ежеминутно должен принимать самостоятельные решения, делать выбор, для которого у него практически никогда не хватает информации. Человек осуществляет выбор на свой страх и риск» [1, с. 36].

В этом случае происходит пересмотр стереотипов, старые стереотипы уходят, уступая место новым, отражающим современную обстановку, поскольку «традиционные стереотипы размываются временем, становятся неактуальны, от них пахнет стариной и ретроградностью. Новая ситуация ждет открытий, спонтанности, единственно точного решения. <...> Стереотипы никогда не указывают нам на конкретные детали возможных событий, а детали порой играют в жизни решающую роль, в корне меняют дело. <...> Всякое общее правило и принятый стереотип – результат индукции, а индукция заведомо неполна. Кто знает, не является ли наш конкретный случай той миллион первой ситуацией, для которой данный стереотип, разделяемый всеми, вовсе не пригоден?» [Там же].

Однако лишиться стереотипизации повседневный мир не может. «Более того, стереотипный характер повседневности несет в себе насильственность и навязчивость. Он может не только мягко и вкрадчиво внедряться воспитанием и окружением, но и вколачиваться наказаниями, побоями, остракизмом. На страже привычных и обеспечивающих наличную общественную систему образцов и норм стоят не только общественное мнение, полиция, юриспруденция, сердитое фрейдовское “супер-эго”, но и средства массовой информации» [Там же, с. 15–16].

Стереотипизация может оказывать как позитивное, так и тормозящее, сдерживающее воздействие на развитие человека, его самореализацию. Это тормозяще-сдерживающее воздействие связано с разными факторами и может проявляться по-разному.

Мир повседневной жизни – это консервативный мир, который складывался на протяжении веков. Повседневность имеет свою предысторию, свои глубинные тенденции, традиции, здесь складывается вполне определенное сочетание различных жизненных факторов, включая природный мир, условия быта, специфику межличностных отношений, ценностные предпочтения и т. п. Этот исторически сложившийся, стабильно функционирующий по своим законам мир может оказаться мощной силой сопротивления против поползновений человека изменить, перестроить его по-новому, стеной, которую бывает трудно перешагнуть, пробить. Более того, в этой своей устойчивости, упругой сопротивляемости мир повседневности оказывается не просто пассивной силой, а силой, активно воздействующей на человека, в определенной мере подчиняющей его себе.

Хотим мы того или нет, но мир человеческих связей, человеческих взаимодействий функционирует на основе сложившихся традиционных схем, стандартов, стереотипов, которые зачастую труднее всего поддаются изменениям, – как в силу их традиционности, апробированности, общепринятости, так и в силу скрытости их

собственной природы. Эти стандартные типификации в случае попытки их изменения человеком как бы восстают, не подчиняются модернизирующим усилиям человека и, как правило, сами подчиняют его себе. Их сопротивляющееся возможным изменениям воздействие – это также грань повседневности, будничности [11, с. 382–383].

Человек в мире повседневности живет в потоке разнообразных воздействий, либо поддающихся ему, либо ему сопротивляющихся. В определенном смысле человек повседневности – это человек, подчиняющийся воздействию повседневности и одновременно преодолевающий его. Без такого постоянного борения, соглашения и преодоления в принципе невозможна человеческая жизнь, невозможны изменения человека и повседневности.

Литература

1. Золотухина-Аболина Е. В. Повседневность и другие миры опыта. – М. : ИКЦ «МарТ», 2003.
2. Плотников В. И. Типологический подход // Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. – М. : Академический проект, 2004.
3. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. – М. : Ключ-С, 1999. – 192 с.
4. Гайденок П. П. Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990.
5. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. – 1988. – № 2. – С. 129–131.
6. Ионин Л. Г. Социология культуры. – М. : ИД ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1996. – 323 с.
8. Маринина А. Пружина для мышеловки : роман. – М. : Эксмо, 2005.
9. Лютикова Е. В. Аксиоматика повседневности. Внерациональные основания познания и коммуникации. – М. : ИКАР, 2006. – 264 с.
10. Социологический энциклопедический словарь. – М. : Норма, 2000.
11. Философская антропология / под ред. С. А. Лебедева. – М. : ИКЦ «Академкнига», 2005.

Elena Anatolevna Kalistratova,

Assistant Professor, Ural State Forest Engineering University
(Ekaterinburg).

Typification and Stereotyping as the Substantive Features of Everyday Man

The current researchers state that everyday life in contemporary society can't be regulated by pre-existing and stable samples of reality interpretation, behavioral stereotypes and relationship structures. However, one of the essential features of everyday man is typification. This research is based on the analysis of the processes of typification and stereotyping, that create the behavioral patterns and understanding schemes in everyday life.

Key words: everyday life; everyday man; type; ideal type; typology; typification; stereotyping; stereotype.